

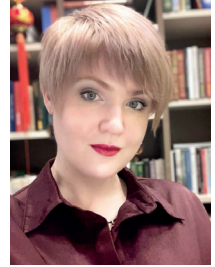
Религиоведение. 2024. № 3. С. 147–158.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2024. No. 3. P. 147–158.

DOI: 10.22250/2072-8662-2024-3-147-158

Цмыкал О.Е.

Амурский государственный университет
675000, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское ш., 21, корп. 7
olgatsmykal@yandex.ru

Культ сяо как сюжетобразующая основа маньчжурской легенды «Храм верности» П.В. Шкуркина

Аннотация. Предметом исследования в данной статье выступает специфика отражения конфуцианского культа *сяо* в легенде «Храм верности», входящей в «маньчжурский» цикл сборника «Китайские легенды», составленного и опубликованного харбинским ориенталистом П.В. Шкуркиным. На материале текста легенды, обработанного Шкуркиным, автором статьи прослеживаются особенности усвоения маньчжурами религиозно-философских представлений и традиций ханьского населения Китая во времена правления династии Цин, способствовавших впоследствии практически полному «растворению» маньчжурской культуры в ханьской. Автор приходит к выводу, что сбор фольклора в среде представителей народов, населяющих Китай, осуществляемый харбинскими этнографами первой половины XX в., являлся важным инструментом постижения культуры этих этносов, особенностей их взаимодействия и взаимовлияния. Также автор указывает на то, что для представителей дальневосточной эмиграции изучение подобных процессов и в целом – культуры народов Китая – являлось одним из средств сохранения собственной этнокультурной идентичности. Изучение результатов исследовательской деятельности харбинских ориенталистов, в том числе, П.В. Шкуркина, по мнению автора статьи, помогает получить представление о методологии и основных векторах работы этнографических сообществ дальневосточной эмиграции, что способствует комплексному изучению истории и культуры русской диаспоры в Маньчжурии.

Ключевые слова: Маньчжурия, Китай, фронтир, Харбин, востоковедение, этнография, этнокультурная идентичность

Olga E. Tsmikal

Amur State University
bldg. 7, 21 Ignatievskoe highway, Blagoveshchensk, 675000, Russia
olgatsmykal@yandex.ru

The Cult of Xiao as a Plot-Forming Basis of the Manchu Legend “The Temple of Fidelity” by P.V. Shkurkin

Abstract. The subject of the research in this article is the specificity of the reflection of the Confucian cult of *xiao* in the legend “Temple of Loyalty” included in the “Manchu” cycle of the collection “Chinese Legends”, compiled and published by the Harbin orientalist P.V. Shkurkin. The author of the article, based on the text of this legend, processed by P.V. Shkurkin, traces the features of the assimilation by the Manchus of the religious and philosophical ideas and traditions of the Han population of China during the reign of the Qing dynasty, which subsequently contributed to the almost complete “dissolution” of the Manchu culture among Han. As a result of the study, the author concludes that the collection of folklore among the representatives of peoples inhabiting China, carried out by Harbin ethnographers in the first half of the 20th century, was an important tool for understanding the culture of these ethnic groups, the features of their interaction and mutual influence. The author also points out that, for representatives of the Far Eastern emigrants, studying such processes and generally the culture of the peoples of China, was one of ways to preserve their own ethnocultural identity. The study of the results of the research activities of Harbin orientalists, including P.V. Shkurkin, according to the author, helps to understand the methodology and main directions of the work of the ethnographic communities in Far Eastern emigration and contributes to a more comprehensive study of the history and culture of the Russian diaspora in Manchuria.

Key words: Manchuria, China, frontier, Harbin, oriental studies, ethnography, ethnocultural identity

Введение

Настоящее исследование продолжает цикл работ, посвящённых деятельности харбинских востоковедов в первой половине XX в. Ранее автором статьи и его коллегами были описаны доступные материалы этнографического характера из харбинских периодических изданий «Вестник Азии» и «Вестник Маньчжурии» [Зиненко, Цмыкал, 2021, 172–178], а также предметно рассмотрены некоторые работы членов Общества русских ориенталистов, проживавших и работавших в первой половине XX века в Харбине, публиковавшиеся в журнале «Вестник Азии» (например, переводы китайских сказок и легенд П.В. Шкуркина и В. Стромилова, переводы китайских бицзя сяошо И.Г. Баранова и Ф.Ф. Даниленко) [об этом: Цмыкал, 2022, 241–271; Цмыкал, 2022, 169–179; Цмыкал, 2023, 148–157; Цмыкал, Зиненко, 2023, 71–78].

Изучаемые работы харбинских этнографов являются частью богатейшей коллекции исследований, по сей день не имеющих аналогов, но, к сожалению, находящихся на периферии современной синологии. Харбинские ориенталисты, оказавшиеся на территории, которую мы называем зоной *порубежья* или *фронтира* [Забяко, 2010, 5–10], в непосредственном окружении инокультуры, имели возможность, в отличие от востоковедов столичных учреждений, наблюдать её изнутри, каждодневно и ежечасно. Экспедиции в более отдалённые районы Китая для сбора редкого фольклорного и этнографического полевого материала также не являлись проблемой – чем активно пользовались такие исследователи, как Н. Байков, П. Шкуркин, И. Баранов, А. Баранов и мн. др. С другой стороны, для русских исследователей изучение китайской культуры способствовало решению важнейшей для эмигранта проблемы – сохранению собственной этнической самобытности, как бы парадоксально это ни звучало. Через постижение инокультуры («чужого») русские жители Харбина глубже постигали и собственную культуру («своё»). Таким образом, этнографические изыскания членов Общества русских ориенталистов и Общества изучения Маньчжурского края становились одной из стратегий сохранения этнокультурной идентичности в условиях эмиграции [Цмыкал, Зиненко, 2023, 59–70].

Население Северной Маньчжурии первой половины XX века представляло собой сплав из представителей самых разных народностей: маньчжуров, ханьцев, кочевников... Все они достаточно успешно уживались на указанной территории, сохраняя собственные традиции, обычаи и другие культурные особенности. При этом, безусловно, более малочисленные народности испытывали сильное культурное воздействие этнического большинства – ханьцев. Изучая традиционную культуру этносов, населявших Маньчжурию, русские ориенталисты могли наблюдать, как они сохраняют её в условиях мощного влияния ханьской культуры [Там же, 60–61] – и как перенимают, с другой стороны, некоторые традиции и обычаи доминирующего этноса.

Обсуждение результатов исследования

Одним из наиболее маститых востоковедов Харбина был Павел Васильевич Шкуркин (1868–1943), оказавшийся на Дальнем Востоке в 1889, после окончания Александровского военного училища. Шкуркин был участником русско-японской войны, а после – подавления боксёрского восстания. Как и многие харбинские ориенталисты, Шкуркин окончил Владивостокский восточный институт¹, где изучал китайский язык. Десять лет отслужил будущий исследователь и писатель полицмейстером во Владивостоке, а в 1913 году (за несколько лет до Революции и до того, как Харбин станет прибежищем для русских изгнанников) вышел в отставку и переехал в Маньчжурию. Прекрасное знание китайского языка позволило П.В. Шкуркину получить должность переводчика в Управлении КВЖД, а также преподавать китайский в различных учебных заведениях. В 1925 г. исследователь стал профессором института ориентальных и коммерческих наук [Забяко, 2015, 56–57].

Павел Васильевич Шкуркин был талантливым учёным, круг интересов которого определила глубокая любовь к китайскому языку и культуре китайского народа [Там же]. Тематика и жанровая природа работ синоведа весьма разнообразны: от научно-популярных очерков до (впоследствии) художественно-этнографических рассказов². Материалом для публикаций становились научные источники, личные наблюдения и, конечно, результаты сбора фольклорных текстов, которые Шкуркин блестяще перерабатывал для русскоязычного читателя и, как правило, снабжал

скрупулезными комментариями (см, напр.: [Цмыкал, 2023а, 201]). Примером освоения Шкуркиным фольклорного материала является книга «Китайские легенды», опубликованная в 1921 году в Харбине [Шкуркин, 1921].

Автор высоко оценивал значимость фольклорной и литературной традиции для постижения культурных особенностей любого народа – прежде всего, китайского. Книга «Китайские легенды» явилась результатом многолетнего сбора автором китайского фольклора. В предисловии к изданию он пишет:

«Чтобы узнать, как думает человек, особенно чуждой нам расы, какие выводы он делает из тех или иных предпосылок, что от него можно ожидать, как с ним разговаривать и вести дела, – нужно надолго окупнуться в толщу чуждой нам народной массы.

К сожалению, выполнение этого опыта и трудно, и требует много времени, и невозможно для большинства по многим понятным причинам.

Но есть и другой способ для достижения той же цели, более лёгкий, скорый и удобный. Это – изучение, или хотя бы ознакомление с литературой данного народа, а особенно с подлинной народной (или ставшей народной) поэзией: с песнями, сказками, легендами, преданиями. <...>

В песне, сказке, легенде, повести, романе вы встретите такие положения в области личной, семейной, общественной и политической жизни, которые будут разрешены совершенно необычным для нашего мышления путём. И это решение даст вам ключ к уяснению многих непонятных на первый раз поступков и решений, как отдельных лиц, так и общественных группировок, партий и даже правительств.

Всё вышеуказанное особенно резко сказывается по отношению к китайцам» [Шкуркин, 1921, 4–5].

Сборник «Китайские легенды» вмещает в себя несколько блоков:

1. Эпизоды из истории «Трёх царств».
2. Знаменитые врачи.
3. Яо-Фэй.
4. Южно-китайские легенды.
5. Маньчжурские легенды.
6. Корейская легенда.
7. Туркестанская легенда.

Как отмечают А.А. Забияко и И.А. Дябкин, «Сюжеты различных этнических легенд, включённых им (Шкуркиным. – *Авт.*) в данное издание, базируются на тех мифологемах, которые являются основами традиционной китайской ментальности, а многие из них до сих пор живы в сознании современных китайцев – это почитание Неба, культ императора, культ природы, “сыновней почтительности”, почитание мудрости и др.» [Забияко, Дябкин, 2013, 142].

В рамках настоящего исследования мы фокусируемся на специфике отражения культа сыновней почтительности (*сяо*) в легенде «Храм верности», входящей в «маньчжурский» цикл сборника «Китайские легенды». Изучение данного вопроса, на наш взгляд, может способствовать постижению процесса постепенного «поглощения» маньчжурской культуры ханьской на территории исторической области Маньчжурия – начавшегося во времена правления маньчжурской же династии.

Предваряя переход непосредственно к вышеобозначенному вопросу, остановимся на жанровой природе сборника. Автор даёт вошедшим в него текстам общее определение – «легенды», что, однако, вызывает ряд вопросов, так как тексты из разных блоков существенно различаются между собой. В предисловии Шкуркин отмечает: «Правильнее их следовало назвать даже не легендами, а некоторые – историческими преданиями (Чжуголяновский цикл); другие – историческими и религиозно-мифологическими рассказами или просто сказками (Ти-тай-тай и Ко-ко); третьи – жизнь и суеверия (Защитник, Храм вдовей почтительности³), и пр. Но так как у всех этих памятников народной поэзии есть легендарные элементы, – то явилась возможность объединить их под общим названием “легенды”» [Шкуркин, 1921, 7]. Мы не станем углубляться в вопрос о жанровом своеобразии книги, так как это не входит в задачи нашего исследования. Соответственно, изучаемый текст мы будем называть легендой – ориентируясь на авторское определение.

Маньчжуры как этнос

Прежде, чем приступать к анализу текста легенды «Храм верности», следует обратиться к проблеме этногенеза маньчжуров и рассмотрению особенностей их религиозных воззрений.

Как пишет Чжан Линьбэй, «Становление и историческое развитие религиозных традиций маньчжуров теснейшим образом связаны с этногенезом этого народа. В его культуре и религии отразились сложные судьбы формирования и эволюции тунгусо-маньчжурской общности. С древних эпох история ханьцев и других народов Китая сопряжена с этническими процессами, происходившими на восточных границах империи» [Чжан Линьбэй, 2011a, 14].

Исследовательница также отмечает, что процесс взаимопроникновения культур между ханьцами и предками маньчжуров чжурчжэнями начался ещё во времена империи Цзинь. Мы не будем предметно останавливаться на сложном и дискуссионном вопросе о происхождении маньчжуров как этноса, заметим лишь, вслед за Чжан Линьбэй, что маньчжуры в процессе смешивались с другими этносами, особенно же этот процесс стал активен после прихода маньчжуров к власти в Среднем государстве [Чжан Линьбэй, 2011b, 3].

Несмотря на то, что со времени основания династии Цин маньчжуры придерживались политики сохранения этнической идентичности, в плане культурном они не противопоставляли себя ханьцам и постепенно перенимали конфуцианские, буддийские и иные обычаи китайского народа. Обусловлено это было во многом всё увеличивающимся числом ханьцев на территории Маньчжурии [Там же]. С другой стороны, как нам кажется, бесконфликтное усвоение концептов китайской культуры способствовало укреплению власти маньчжурской династии в Китайской империи (так, например, М.Е. Кравцова указывает, что концепция небесного мандата *тянь мин* использовалась при формировании маньчжурской государственности в Китае: «Основатель первого маньчж. гос-ва (Поздняя Цзинь, 1616–1636) хан Нурхацзи (?–1626) доказывал, что находящаяся у власти в Китае дин. Мин (1368–1644) утратила право на верховную власть и что Небо, как и во времена Шан-Инь, доверило спасение Поднебесной “малому народу”. Нурхацзи назвал своё правление “временем принятия небесного мандата”. Маньчжуры привнесли в концепцию *тяньмин* принципиальную новацию: идею, что “небесный мандат” не только может передаваться в пределах кит. этноса, но и вручаться представителям др. народностей» [Кравцова, 2007, 633].

Предметом данного исследования является специфика отражения в маньчжурском фольклоре категории *сяо*, являющейся частью конфуцианской системы ценностей, но имеющей гораздо более древнее происхождение, основанное на традиционном для Китая *культе предков*. Следует заметить, что и в маньчжурской религиозной картине мира культ предков играл важнейшую роль [Чжан Линьбэй, 2011b, 14, 119]. Вероятно, это во многом обусловило органичное усвоение маньчжурами представлений, связанных с ханьским культом *сыновней почтительности*.

«Главным из древнейших религиозных культов, видимо, следует считать культ предков, – пишет П.М. Кожин, – Культ предков структурировал систему морально-этических норм и социальных отношений в семейных и клановых коллективах, в конце концов кристаллизовавшуюся в конфуцианскую ритуализованную систему “пяти постоянств” (*у чан*)» [Кожин, 2007, 173–174].

Концепция *сяо* регламентирует – и с незапамятных времён регламентировала – самые разные сферы жизни китайского общества (от семейных отношений до государственного устройства).

Чжан Линьбэй отмечает, что представители маньчжурского императорского клана заимствовали некоторые обычаи ханьцев, касавшиеся брачных союзов – которые, как и вся китайская иерархия социальных отношений, были основаны на модели подчинения и почтительности младшего (жены) старшему (мужу), то есть на принципе *сяо*. На этом примере мы можем наблюдать проникновение в культуру маньчжуров конфуцианского культа *сыновней почтительности*.

Также исследовательница пишет об усвоении маньчжурами конфуцианской традиции, предписывающей жене, потерявшей своего мужа, всю жизнь оставаться

вдовой, существовавшей у потомков императорского клана Айсинь Гиёро ещё в XVII веке: «Вдовы у рода Чжао не имели право выходить замуж второй раз. У потомков рода Чжао вторичное замужество тоже считалось преступлением перед памятью умершего мужа. Если у вдов не было детей, то братья умерших и их сыновья были обязаны заботиться о них и оказывать помощь. Конечно, братья умерших и их сыновья имели право наследовать все имущество умерших и их вдов. Кроме этого, у рода Чжао запрещалось вступать в брак юноше и девушке, носящим одну и ту же фамилию. По-видимому, что в этой норме потомки маньчжурского императорского клана Айсинь Гиёро уже начали заимствовать ханьскую культуру» [Чжан Линьбэй, 2011b, 112–113]. В более раннем варианте указанная конфуцианская традиция требовала от вдовы совершения самоубийства, дабы не оставить мужа в одиночестве в загробном мире. Позже требование перестало быть обязательным, однако подобный поступок со стороны вдовы вызывал восхищение окружающих [Васильев, 2001, 140; Чжан Линьбэй, 2011b, 113]. Описанная модель вдовьего поведения также была перенята маньчжурами и постепенно укоренилась в их среде: «После завоевания маньчжурами Китая в результате поощрения со стороны маньчжурской власти ханьский древний обычай соблюдать верность покойному мужу получил широкое распространение среди маньчжурских женщин. В период от правления императора Канси (1644–1722) до правления императора Гуансю (1875–1908) в Ниньгуге (современном уезде Ниньянь провинции Хэйлуцзян), где компактно проживали маньчжуры, 386 маньчжурских женщин получили официальную благодарность за верность покойному мужу и так называемое “сохранение целомудренности”» [Ван Шисюань, Мэй Вэньчжао, Ниньянь Сяньчжи, 2005, 2213–2229]. Любопытно отметить, что в конечном итоге маньчжурское правительство было вынуждено отказаться от активного поощрения ритуальных самоубийств, совершаемых добродетельными вдовами, опасаясь, что женщины принимали решение уйти из жизни вслед за супругом под давлением его семьи [Ropp, 2001; Rowe, 2012].

Данная ремарка важна для нашего исследования, так как легенда «Храм верности» рассказывает о вдове, хранившей верность умершему мужу и его матери даже в условиях крайней бедности.

Концепция сяо как основа сюжета легенды «Храм верности»

«Храм верности» – это переименованное название Храма вдовьей почительности⁴, образ которого играет ключевую роль в исследуемой легенде.

Сюжет повествует том, как непослушание и несоблюдение норм морали одним из учеников бедной деревенской школы стали причиной многих смертей. С другой стороны, в легенде превозносится самоотверженность бедной вдовы, добровольно расставшейся с жизнью, когда умерла её свекровь. Молодая вдова и мать её мужа сильно бедствовали, практически ничего не зарабатывая на подённой работе и не имея возможности найти другой способ прокормить себя. Так как детей в браке сына и снохи не случилось, старуха настаивала, чтобы последняя вновь вышла замуж – тем более, что жених на примете уже был. *«Матушка, – уговаривала она (сноха. – Авт.) старуху, – как я могу таким поступком оскорбить память моего дорогого мужа, вашего сына! – Ох, сноха, – плакалась старуха, – я сама это понимаю, да что же делать, когда есть нечего?! Ты-то молода, выдержишь, а разве тебе приятно будет видеть, когда я умру от голода!»* [Шкуркин, 1921, 267].

Поневоле пришлось девушке нарушить обет верности семье покойного мужа и пойти за работягу-плотника, которого подыскала ей свекровь. Перечить «матушке» она не могла, подчиняться родителям мужа (прежде всего – свекрови) было святой обязанностью женщины в традиционной китайской семье. Это было одним из многочисленных проявлений культа сяо в китайском обществе – и оспаривать заведённый порядок не приходило добродетельной женщине в голову. [Васильев, 2015, 134–137; Малявин, 2000, 543–544; Цымакал, 2023, 148–157].

Способ, которым старая свекровь задумала спасти себя и невестку от нищенского существования, также соответствовал концепции сяо. В «голодные» годы (случавшиеся нередко) китайцы считали совершенно нормальным продать ребёнка – или даже жену – чтобы прокормить родителей [Васильев, 2015, 121–125]. Подтверждают эту мысль многочисленные примеры из китайского фольклора,

в которых благочестивый сын жертвует собой, своим ребёнком или женой, дабы обеспечить пропитание матери/отцу. Таким образом, вопрос решался с точки зрения свекрови практично, эффективно – и с сохранением достоинства.

Но, избавив себя от насущных проблем, свекровь поставила сноху перед неразрешимой дилеммой: *«Бедная молодая женщина горько плакала и не знала, что ей делать. С одной стороны, уважение к памяти мужа, так высоко ценящееся в Китае, не позволяло ей отказаться от вдовства, а с другой, – долг “сяо”, – почтительности к свекрови, заменявшей ей мать, – обязывал её пожертвовать всем ради старухи...»* [Шкуркин, 1921, 140–141]. Таким образом, какой бы выбор ни сделала девушка, она нарушила бы нормы сыновней почтительности – либо изменив памяти покойного мужа и традиции, предписывавшей хранить ему верность, либо не сумев позаботиться о престарелой нищей свекрови, нуждавшейся в её помощи. Описанная коллизия демонстрирует, что, казалось бы, логично и чётко выстроенная конфуцианская система ценностей порой несёт в себе неразрешимые противоречия.

С момента, когда вдовица согласилась выйти замуж и ушла в дом нового мужа, вся семья оказалась под властью злого рока. Получив от плотника деньги за сноху, старая женщина сразу же спрятала их – как ей казалось, надёжно. Но она не знала, что всё происходившее в её части фанзы слышали жившие за стенкой нищие мальчишки, ученики сельской школы. Слышали они и как старуха разговаривала сама с собой, раздумывая, куда положить деньги. Подстрекаемые самым активным из них, мальчишки обокрали несчастную женщину. На следующий день старуха собиралась угощать новобрачных. Собираясь на рынок, она залезла в тайник за деньгами – но не обнаружила их. Страшное потрясение заставило женщину покончить с собой. Сноха, увидев свекровь, висящую мёртвой под крышей дома, посчитала себя виновной в её смерти, и тоже повесилась: *«– Матушка! – кричала она. – Прости меня, я теперь вижу, что ты заботилась только обо мне. Ты не хотела, чтобы я переносила нищету, ты меня устроила, но ты не могла жить без меня. А я, неблагодарная, подлая и перед твоим покойным сыном, и перед тобой, – я думала только о собственному благополучии!.. Вместо того, чтобы всю свою жизнь посвятить твоей старости, я, преступница, пошла к другому человеку. Нет, матушка, не думай, что ты останешься одна; я теперь знаю, что я должна сделать: я тебя и “там” найду и буду за тобой ухаживать!»* [Там же, 147–148]. Стенания снохи и её искреннее раскаяние обусловлены, безусловно, системой конфуцианских ценностей, в которых она воспитана. Несчастливая клянёт себя за то, что не осталась заботиться о матери покойного супруга, уйдя по её же настоянию жить в семью нового мужа. Усмотреть в случившемся хотя бы толику вины свекрови ей даже не приходит в голову – да и можно ли представить, чтобы такие мысли родились у следующей законам сяо женщины?

Новоиспечённый муж бывшей вдовы вскорости обнаружил жену и её старую «матушку» повесившимися в старой фанзе. Посчитав, что страшная участь постигла обеих женщин из-за того, что он увёл верную сноху из дома свекрови, а значит, повинен во всём случившемся тоже он, бедный плотник также свёл счёты с жизнью, повесившись: *«“Итак”, – думал он, – “нет у меня ни денег, ни жены. Не вмешайся я в дела этих женщин, – обе они были бы живы. Значит, я в чём-то виноват, хотя в чём – не знаю”»* [Там же, 148].

Истолковав всё случившееся соответствующим традиционной этике образом (*«...очевидно, старуха, чтобы избавить сноху от нужды, выдала её замуж, а сама не могла перенести одиночества и нищеты и повесилась. Молодая женщина, считая себя виновной перед свекровью, тоже покончила с собой. Муж, в свою очередь, считая себя косвенной причиной двух смертей, – также добровольно ушёл из этого мира...»*) [Там же, 149], местный начальник взял детей плотника себе на воспитание и подал губернатору прошение о строительстве арки в память *«трёх верных своему долгу»* [Там же]. На этом, однако, история не заканчивается.

Сюжетная линия, описанная выше, не единственная в легенде связана с конфуцианской системой ценностей. Помимо истории благодетельной вдовы и её окружения автор рассказывает нам и историю бедных мальчишек-школьников, которых мы уже упоминали. Мальчишки, прознав о том, что их соседка старуха по-

лучила хорошие деньги, решают ограбить её – чтобы прокормиться самим. Лишь один ученик, Бай, противостоит своим одноклассникам, возглавляемым заводилой Чжаном, – и отказывается участвовать в разбое. Мы уже знаем, что мальчикам удалось стащить деньги у бедной старой женщины – и какое несчастье этот поступок повлечёт за собой. Конечно, воры не остались безнаказанными:

«Вдруг раздался удар грома; за ним еще и еще, то дальше, то ближе, как будто тысячи орудий разных калибров со всех сторон открыли канонаду по ветхой школе...»

Гроза продолжала свирепствовать, не желая удаляться от этого места, и длинные, судорожные цепи молний вились, казалось, кругом над самой крышей» [Там же, 149–150].

Когда учитель вышел, наконец, из здания школы, гром и молнии прекратились. Но стоило ему вернуться обратно – вновь разразилась гроза. Так повторилось и на следующий раз. В этот момент учитель заподозрил неладное и обратился к ученикам с расспросами:

«– Кто-то из нас совершил преступление, и теперь богиня молнии Шаньдянь нянь-нянь⁵, сверкая зеркалами в обеих руках, и Лэй-гун требуют, чтобы виновные вышли к ним на суд... Пойдемте все на двор – пусть они увидят, что между нами преступников нет!»

Все ученики, хотя дрожащие и испуганные, оделись и хотели выйти на двор, кроме одного. Он забился в угол, плакал и умолял, чтобы его не выводили на двор. И это был – Бай» [Там же, 150].

На вопрос удивлённого учителя мальчик ответил, что он – великий преступник: *«Я знал, что ученики хотят украсть деньги у старухи, и я уговаривал их не делать этого, – но не смог уговорить. Значит, я во всем виноват, и теперь Лэй-гун хочет меня казнить»* [Там же].

Выяснив подробности дела, учитель всё-таки уговорил Бая выйти вместе с остальными учениками на суд Лэй-гуна. Как только они вышли, раздался небывалый прежде удар грома. *«Учитель и Бай были оглушены и отброшены в сторону. Когда они пришли в себя, то увидели распростертые на дворе трупы всех остальных одиннадцати учеников. Грозы не было, только пахло серой...»* [Там же, 151].

Очевидно, что ученики совершили страшный проступок, противоречащий нормам морали (что уже само по себе идёт вразрез с конфуцианскими канонами). Но, что гораздо хуже, они обманули своего учителя, совершив преступление, пока он спал, а затем не раскрыв ему правды. За это небесные божества жестоко карают их, но шадят учителя и Бая, который, во-первых, не участвовал в злодеянии, а во-вторых (и это для китайского сознания, думается, даже важнее), винит себя в том, что не рассказал учителю о планах одноклассников.

Известно, какое в китайской культуре придаётся значение отношениям учитель-ученик (это связано, в первую очередь, с конфуцианской традицией – ведь сам Конфуций был великим учителем и знания свои транслировал через учеников). Отношения между учителем и учеником гармонично вписывались в концепцию *сяо*, основанную на иерархии «старший-младший». Старшим в данном случае выступал учитель, младшим – ученик. Таким образом, по требованиям *сяо* ученик обязан был беспрекословно подчиняться своему учителю и оказывать ему всяческое почтение – словно отцу [Псху, Крыштоп, 2018; Кучера, 2012, 173]. Нарушившие нормы *сяо* школьники в легенде «Храм верности» подвергаются суровой каре – что соответствует конфуцианской системе ценностей и подтверждает тезис об активном восприятии маньчжурами ханьских традиций и воззрений.

Любопытно, однако, наблюдать в приведённом отрывке не только конфуцианские, но и даосские мотивы. Известно, что синкретизм, а точнее, тесная связь между народной религиозной традицией и трёх великих учений (даосизма, конфуцианства и буддизма) является основополагающей характеристикой китайской религиозности⁶. Именно поэтому в китайском фольклоре мы нередко наблюдаем влияние различных религиозно-философских воззрений, которые органично соседствуют друг с другом. В данном случае мы имеем дело с маньчжурской легендой, в которой отражаются религиозно-философские мотивы ханьцев. Строго говоря,

правильнее будет связать присутствие в повествовании Лэй-гуна и его жены Шань-дянь нянь-нянь с проявлением народных религиозных представлений – ведь, как известно, даосизм усвоил многое из народной религии китайского народа, в том числе народных божеств [Малявин, 2000, 265; Торчинов, 2008, 349; Сидихменов, 1987, 154; Цмыкал, Зиненко, 2023, 63].

Фактически вся легенда, таким образом, построена на китайской (ханьской) системе ценностей, усвоенной маньчжурами: за нарушение конфуцианских норм *сяо* провинившиеся несут наказание от рук небесных божеств (относящихся к даосскому пантеону, но перешедших в него из народной мифологии); соблюдение же норм *сяо* удостоивается поощрения и прославления. Можно ещё более развить изложенную мысль, вспомнив о том, что вдова и её свекровь нарушили традицию сохранения вдовой верности покойному супругу, устроив брак с плотником (об этом см. выше), за что были наказаны руками мальчишек-школьников. Но сноха, лишив себя жизни (не отсылка ли это к ритуалу вдовьего самоубийства, практиковавшемуся, как мы уже знаем, в Китае, в том числе, и во времена маньчжурской династии?), искупила проступок и была удостоена великой чести – возведения храма в свою честь.

Заключение

Итак, как показывает анализ легенды «Храм верности» в изложении П.В. Шкуркина, маньчжурский фольклор усваивал религиозно-философские представления и традиции ханьского населения Китая во времена правления династии Цин (хотя, согласно сведениям специалистов, процесс заимствования начался гораздо раньше – во времена чжурчжэней, при цинской династии же он стал особенно активен). Нам представляется, что именно по причине репрезентативности легенды с этой точки зрения она была включена Шкуркиным в сборник «Китайские легенды», объединивший весьма разнообразный фольклорный материал. Дальнейшее исследование текстов, входящих в книгу, позволит выяснить, правдиво ли это предположение. Но, независимо от этого, можно заключить, что сбор фольклора, осуществляемый Шкуркиным и его коллегами в среде населения современного им Китая, являлся важным инструментом постижения культуры великой страны, населённой самыми разными народами, перенимающими друг у друга культурные особенности, с одной стороны, и стремящимися сохранить свою этнокультурную самобытность – с другой.

В эту парадигму особым образом вписывалось и русскоязычное население, представители которого в большинстве, как хорошо известно, мечтали вернуться в Россию и считали Маньчжурию временным прибежищем. Тем не менее, всеми силами стараясь сохранить свою «русскость», многие эмигранты успешно перенимали бытовую культуру китайцев (о чём свидетельствует, в том числе, обилие китайизмов в их речи), а те, кто посвятил себя изучению китайской культуры, шли дальше, овладевая языком и погружаясь в удивительный и загадочный мир Поднебесной империи. В этом отношении «фронтирное» положение Харбина давало поистине уникальные возможности. Несмотря на это русские в Китае остались русскими – как благодаря сформированным веками культурным установкам и упорству в сохранении своей национальной идентичности и даже противопоставлению себя (во многом – из-за своего маргинального положения на чужой земле) ханьцам и маньчжурам, так и, вероятно, потому что провели на китайской земле не так много времени. Маньчжуры же к настоящему времени практически утратили свою этническую самобытность, полностью ассимилировавшись с ханьским населением Китая.

Сборник «Китайские легенды» Шкуркина, как и переводы китайских сказок и легенд, публиковавшиеся им в харбинских этнографических изданиях, являются источником ценных сведений о китайской культуре и культуре народов, населявших Китай в первой половине XX века, а также – помогают получить представление о методологии и основных векторах работы этнографов дальневосточной эмиграции, что представляет интерес в рамках комплексного изучения истории и культуры русской диаспоры в Маньчжурии, в том числе, стратегий сохранения этнокультурной идентичности, актуальных для этой диаспоры.

Благодарность

Исследование проведено при поддержке программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», в рамках лаборатории под руководством молодых исследователей. Проект № FZMU-2022-0008, рег. номер 1022052600017-6.

Acknowledgement

The research was conducted with the support of the Priority 2030 strategic academic leadership program, within the framework of a laboratory led by young researchers. Project No. FZMU-2022-0008, reg. number 1022052600017-6.

Библиографический список

1. Ван Шисюань. Описание уезда Ниньянь / Ван Шисюань, Мэй Вэньчжао. Ниньянь Сяньчжи // Ли Синьшэн, Цюань Боянь. Хэйшуй цуншу (Собрание книг Хэйшуй). – Харбин, 2005. – Т. 10. – С. 2213–2229.
2. Васильев, В.Л. Культы, религии, традиции в Китае / В.Л. Васильев. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 488 с.
3. Забияко, А.А. Ментальность дальневосточного фронта / А.А. Забияко. – М-во образ. и науки РФ, Амурский гос. ун-т. – Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – 437 с.
4. Забияко, А.А. Синолог и этнограф П.В. Шкуркин: образ хунхузов и хунхузничества в контексте социокультурных трансформаций и межцивилизационных контактов на Северо-Востоке Китая в XIX–XX вв. / А.А. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11 / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – С. 186–196.
5. Забияко, А.А. Трансформация сюжетов китайской мифологии в творчестве дальневосточных писателей 20–40-х гг. XX в. / А.А. Забияко, И.А. Дябкин. – Религиоведение. – 2013. – № 4. – С. 139–156.
6. Забияко, А.П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации / А.П. Забияко // Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – С. 99–140.
7. Забияко, А.П. Порубежье / А.П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Материалы Международной научно-практической конференции. – 2010. – С. 5–10.
8. Забияко, А.П. Синкретизм религиозный / А.П. Забияко // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект Гаудеамус, 2008. – С. 1171.
9. Зиненко, Я.В. Художественная этнография в Маньчжурии в начале XX века (избранная библиография) / Я.В. Зиненко, О.Е. Цмыкал // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Сборник научных работ / Под редакцией А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой; пер. на кит. Ван Юйци, пер. на англ. О.Е. Цмыкал. – Благовещенск, 2021. – С. 172–178.
10. Кожин, П.М. Историческое развитие религиозной ситуации / П.М. Кожин // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Т. 2. Мифология. Религия / Ред. М.Л. Титаренко и др. 2007. – С. 173–174.
11. Конталева, Е.А. Религиозный синкретизм в интерпретации российских и зарубежных исследователей / Е.А. Конталева // Религиоведение. – 2017. – № 4. – С. 62–78.
12. Кравцова, М.Е. Тянь-ди / М.Е. Кравцова // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 6 т. – М.: Восточная литература, 2006–2010. – Т. 2. Мифология. Религия / Ред. М.Л. Титаренко и др. – 2007. – С. 630–634.
13. Кучера, С.Р. История, культура и право Древнего Китая [Текст] : собрание трудов / С.Р. Кучера. – М.: Наталис, Ин-т востоковедения РАН, 2012. – 414 с.
14. Малавин, В.В. Китайская цивилизация / В.В. Малавин. – М.: «АСТ, Астрель», 2000. – 632 с.
15. Переломов, Л.С. «Четверокнижие» – ключ к постижению конфуцианства / Л.С. Переломов // Конфуцианское Четверокнижие (Сы шу) / Пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова; вступит. ст. Л.С. Переломова. – М.: Вост. лит., 2004. – 431 с.
16. Псху, Р.В. Тема учительства и ученичества в Индии, Китае и Европе / Р.В. Псху, Л.Э. Крыштоп // Вопросы философии. – 2018. – № 4. – С. 108–117

17. Сидихменов, В.Я. Китай: страницы прошлого / В. Я. Сидихменов. - 3-е изд., испр. и доп. - М.: Наука, 1987. - 446 с.
18. Торчинов, Е.А. Даосизм / Е.А. Торчинов, С.В. Филонов // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. - М.: Академический проект Гаудеамус, 2008. - С. 349.
19. Хисамутдинов, А.А. Синолог П.В. Шкуркин: «Не для широкой публики, а для востоковедов и востоколобов» / А.А. Хисамутдинов // Известия Восточного института. - 1996. - № 3. - С. 150-160.
20. Хисамутдинов, А.А. Изучение Китая русскими исследователями из Харбина / А.А. Хисамутдинов // Забияко А.А., Забияко А.П., Лешко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. - Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. - С. 99-140.
21. Хисамутдинов, А.А. О чем рассказали китайские львы: к истории Восточного института и Государственного дальневосточного университета / А.А. Хисамутдинов; под ред. Г.П. Турмова. - Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2009. - 160 с.
22. Хисамутдинов, А.А. Русские ученые, краеведы и востоковеды в Китае: Материалы к иллюстрированным биографиям / А.А. Хисамутдинов. - Владивосток, 2018. - 210 с.
23. Цмыкал, О.Е. Китайские народные сказания как источник этнокультурных сведений (на материале цикла повестей «Китайская быль», сост. И. Баранов) / О.Е. Цмыкал // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 9. 125 лет начала строительства КВЖД. К юбилею профессора В.В. Агеносова: Сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой; пер. на кит. Ван Юйци, Е. Янян; пер. на англ. О.Е. Цмыкал. - Благовещенск: Изд-во Амурского госуниверситета, 2022а. - С. 241-271.
24. Цмыкал, О.Е. Народная культура китайцев в публикациях журнала «Вестник Азии»: Общий обзор / О.Е. Цмыкал // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. К 20-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. - Благовещенск, 2023. - С. 148-157.
25. Цмыкал, О.Е. Отражение религиозных представлений китайцев в новелле о необычном (на материале цикла «Китайская быль», сост. и пер. И.Г. Баранов). - Религиоведение. - 2022b. - № 4. - С. 169-179.
26. Цмыкал, О.Е. Китайский религиозный синкретизм в рассказе (новелле) о необычном (на материале цикла «Китайская быль» И.Г. Баранова) / О.Е. Цмыкал, Я.В. Зиненко // Религиоведение. - 2023. - № 4. - С. 71-78.
27. Чжан, Линьбэй. Исторические трансформации и современное состояние религиозных традиций маньчжуров северо-восточного Китая: автореф. дис. канд. ист. наук: 09.00.14 / Чжан Линьбэй; АмГУ. - Благовещенск, 2011а. - 27 с.
28. Чжан, Линьбэй. Исторические трансформации и современное состояние религиозных традиций маньчжуров северо-восточного Китая: дис. канд. ист. наук: 09.00.14 / Чжан Линьбэй; АмГУ. - Благовещенск, 2011b. - 179 с.
29. Rowe, W.T. China's last empire: the great Qing / W.T. Rowe. - The Belknap Press of Harvard University Press, 2012. - 360 p.
30. Ropp, P.S. Passionate Women: Female Suicide in Late Imperial China / P.S. Ropp, P. Zamperini, H.T. Zurndorfe. - BRILL, 2001. - 156 p.

Текст поступил в редакцию 23.01.2024.

Принят к печати 21.02.2024.

Опубликован 26.09.2024.

¹ Подробнее о Восточном институте и его роли в формировании харбинской востоковедческой школы см: [Хисамутдинов, 2009; 2018; Цмыкал, 2022b, 169-179, Цмыкал, Зиненко, 2023, 71-78].

² Напр.: Шкуркин П.В. По Востоку. Харбин, 1912; тип. КВЖД, 1916; Шкуркин П.В. Клад (сказка) // Вестник Азии. 1914. № 25-27. С. 101-103; Шкуркин П.В. Фальшивые деньги // Вестник Азии. 1914. № 30. С. 28-30; Шкуркин П.В. Японо-китайский конфликт (Доклад в ОРО [Обществе русских ориенталистов]) // Вестник Азии. 1915. № 34. С. 170-192; Шкуркин П.В. Исторические таблицы Китая в красках. Харбин, 1917; Шкуркин П.В. Справочник по истории Китая. Харбин, 1918; Шкуркин П.В. Китайские легенды. Харбин, 1921; Шкуркин П.В. Хунхузы: Этнографические рассказы. Харбин, 1924; Его же. Игроки: Китайская быль. Харбин, 1926 и мн. др.

³ Имеется в виду как раз «Храм верности».

⁴ 节孝 (jiéxiào) переводится как «целомудрие (по отношению к памяти мужа) и почтительность (к его родителям; также обр. в знач.: молодая вдова, сохраняющая вдовство)» [Большой китайско-русский словарь, <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E8%8A%82%E5%AD%9D>]. 节孝祠 (jiéxiàocí) в словарях определяется как «храм [выстроенный] в честь целомудренной и почтительной женщины» [Большой китайско-русский словарь, <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E8%8A%82%E5%AD%9D>]. В одном из случаев Шкур-

кин, вероятнее всего, ошибочно приводит транскрипцию Цзе-сяо-сы. У иероглифа 寺 (si) также есть значение «храм», но данный иероглиф используется обычно для обозначения буддийского храма (согласно данным словарей). 祠 же используется для обозначения молелен, в том числе, например, храмов предков. Также в пользу этой гипотезы свидетельствует и то, что нам не удалось найти в словарях слова 节孝寺, тогда 节孝祠 в словарях присутствует.

Следует отметить, что описанная практика не была редкостью. Как отмечалось ранее, добродетельные вдовы, соблюдавшие традицию сохранения верности умершему мужу и его семье, одобрялись и поощрялись – особенно если репались на самоубийство: «...такое ревностное следование обычаям нередко отмечалось официальным поощрением: близ дома, где жила такая женщина, после нескольких десятков лет стойкого и добродетельного вдовства воздвигалась специальная арка или стела с надписью, прославлявшей её достоинство и верность» [Васильев, 2001, 140].

⁵ Жена Лэй-гуна, своими зеркалами указывающая ему место куда следует «бить» (зеркала, таким образом, связаны с образом молнии).

⁶ Подробнее об этом см: [Забяко, 2008, 1171; Васильев, 2001, 361; Сидихменов, 1987, 219–221; Цмыкал, Зиненко, 2023].

References

1. Khisamutdinov A.A. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [News of the Eastern Institute]. Vladivostok, 1996, no. 3, pp. 150–160 (in Russian).
2. Khisamutdinov A.A. *O chem rasskazali kitajskie l'vy: K istorii Vostochnogo instituta i Gosudarstvennogo dal'nevostochnogo universiteta* [What the Chinese Lions Told Us: On the History of the Oriental Institute and the Far Eastern State University]. Vladivostok: DVGU Publ., 2006, 160 p. (in Russian).
3. Khisamutdinov A.A. *Russkie uchenye, kraevedy i vostokovedy v Kitae: Materialy k illyustrirovannym biografijam* [Russian Scientists, Local Historians and Orientalists in China: Materials for Illustrated Biographies]. Vladivostok, 2018, 210 p. (in Russian).
4. Khisamutdinov A.A. *Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyah dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: The Experience of Life Building in Terms of the Far Eastern Frontier]. Blagoveshchensk: Amurskij gos. un-t Publ., 2015, pp. 99–140 (in Russian).
5. Kontaleva E.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2017, no. 4, pp. 62–78 (in Russian).
6. Kozhin P.M. *Duhovnaya kul'tura Kitaya: enciklopediya: v 6 t. T. 3. Literatura. Yazyk i pis'mennost'* [Spiritual culture of China: encyclopedia: in 6 vols. Vol. 3. Literature. Language and System of writing]. Moscow: Vost. Lit. Publ., 2008, pp. 173–174 (in Russian).
7. Kravcova M.E. *Duhovnaya kul'tura Kitaya: enciklopediya: v 6 t. T. 2. Literatura. Yazyk i pis'mennost'* [Spiritual culture of China: encyclopedia: in 6 vols. Vol. 2. Mythology. Religion]. Moscow: Vost. Lit. Publ., 2007, pp. 630–634 (in Russian).
8. Kuchera S.R. *Istoriya, kul'tura i pravo Drevnego Kitaya: sobranie trudov* [History, Culture and Law of Ancient China: Collected Works]. Moscow: Natalis, In-t vostokovedeniya RAN Publ., 2012, 414 p. (in Russian).
9. Malyavin V.V. *Kitajskaya civilizaciya* [Chinese Civilization]. Moscow: “AST, Astrel” Publ., 2000, 632 p. (in Russian).
10. Perelomov L.S. *Konfucianskoe Chtveroknizhie (Sy shu)* [Confucian Four Books (Si Shu)]. M.: Vost. lit., 2004, 431 p. (in Russian).
11. Pskhu R.V., Kryshopt L.E. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2018, no. 4, pp. 108–117 (in Russian).
12. Ropp P.S., Zamperini P., Zurndorfe H.T. *Passionate Women: Female Suicide in Late Imperial China*. BRILL, 2001. 156 p. (in English).
13. Rowe W.T. *China's last empire: the great Qing*. The Belknap Press of Harvard University Press, 2012. 360 p. (in English).
14. Sidihmenov V.Ya. *Kitaj: stranicy proshlogo* [China: Pages of the Past]. Moscow: Nauka Publ, 1987, 446 p. (in Russian).
15. Torchinov E.A., Filonov S.V. *Enciklopediya religij* [The Encyclopedia of Religions]. Moscow: Akademicheskij proekt Gaudeamus Publ., 2008, p. 349 (in Russian).
16. Tsymkal O.E. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2022b, no. 4, pp. 169–179 (in Russian).
17. Tsymkal O.E. *Russkij Harbin, zapechatlyonnyj v slove. Vyp. 9. 125 let nachala stroitel'stva KVZhD. K jubileju professora V.V. Agenosova: Sbornik nauchnyh rabot* [Russian Harbin, Captured in Words. Issue 9. 125 Years Since the Beginning of Construction of the CER. On the Anniversary of Professor V.V. Agenosov: Collection of Scientific Works]. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskogo gosuniversiteta, 2022a, pp. 241–271 (in Russian).
18. Tsymkal O.E. *Vostok Azii: problemy izucheniya i sohraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya regiona. K 20-letiyu Centra po sohraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Amurskoj oblasti* [East Asia: Problems of Studying and Preserving the Historical and Cultural Heritage of the Region. On the 20th anniversary of the Center for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Amur Region]. Blagoveshchensk, 2023, pp. 148–157 (in Russian).
19. Tsymkal O.E., Zinenko Ya.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2023, no. 4, pp. 71–78 (in Russian).
20. Vasil'ev L.C. *Kul'ty, religii, tradicii v Kitae* [Cults, Religions, Traditions in China]. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. RAN, 2001, 488 p. (In Russian).

21. Wang Shixiuan, Mei Wenzhao. *Sobranie knig Hejshuj* [Collection of Heishui books]. Harbin, 2005, vol. 10, pp. 2213–2229 (in Russian).
22. Zabyako A.A. *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira* [Mentality of the Far Eastern Frontier]. Novosibirsk: Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk Publ., 2016, 437 p. (in Russian).
23. Zabyako A.A. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah. Istoricheskij opyt vzaimodejstviya kul'tur* [Russia and China on the Far Eastern Borders. Historical Experience of Interaction of Cultures]. Blagoveshchensk: Amurskij gos. un-t, 2015, pp. 186–196 (in Russian).
24. Zabyako A.P. *Enciklopediya religij* [The Encyclopedia of Religions]. Moscow: Akademicheskij proekt Gaudemus Publ., 2008, p. 1171 (in Russian).
25. Zabyako A.P. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah. Rus-skije i kitajcy: regional'nye problemy etnokul'turnogo vzaimodejstviya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Russia and China on the Far Eastern Borders. Russians and Chinese: Regional Problems of Ethnocultural Interaction. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Blagoveshchensk: Amurskij gos. un-t, 2010, pp. 5–10 (in Russian).
26. Zabyako A.P. *Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyah dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: The Experience of Life Building in Terms of the Far Eastern Frontier]. Blagoveshchensk: Amurskij gos. un-t Publ., 2015, pp. 99–140 (in Russian).
27. Zabyako A.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2013, no. 4, pp. 139–156. (in Russian).
28. Zhang Linbei. *Istoricheskie transformacii i sovremennoe sostoyanie religioznych tradicij man'chzhurov severo-vostochnogo Kitaya: avtoref. dis. kand. ist. Nauk* [Historical transformations and the current state of religious traditions of the Manchus of northeastern China. Abstract of Ph.D. Thesis in Philosophy]. Blagoveshchensk, 2011a, 27 p. (in Russian).
29. Zhang Linbei. *Istoricheskie transformacii i sovremennoe sostoyanie religioznych tradicij man'chzhurov severo-vostochnogo Kitaya: dis. kand. ist. Nauk* [Historical transformations and the current state of religious traditions of the Manchus of northeastern China. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Blagoveshchensk, 2011b, 179 p. (in Russian).
30. Zinenko Ya.V., Tsmikal O.E. *Russkij Harbin, zapechatlyonnyj v slove. Sbornik nauchnyh rabot* [Russian Harbin, Captured in Words. Collection of Scientific Works.]. Blagoveshchensk, 2021, pp. 172–178 (in Russian).

Submitted for publication: January 23, 2024.

Accepted for publication: February 21, 2024.

Published: September 26, 2024.